

СЛАВА
ДОРОНИНА

Мама
ПОНЕВОЛЈЕ

Слава Доронина

Мама поневоле

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69538423

Аннотация

Глеб Булатов появился на пороге моей квартиры, чтобы заявить права на мою дочь, которую я родила два года назад для состоятельной пары. Тогда от девочки все отказались, а сама я осталась без обещанного гонорара и с младенцем на руках, брошенным на произвол судьбы.

Мне пришлось многое пережить, но я выстояла, привязалась к малышке, полюбила ее всем сердцем и теперь никому не позволю ее у меня отнять! Только вот помимо ребенка, на которого этот мужчина, кажется, имеет все права, нас с ним связывает кое-что еще, о чем бы я предпочла забыть.

Содержание

1	4
2	11
3	16
4	23
5	28
6	35
7	40
8	46
9	54
10	61
11	68
12	73
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Слава Доронина

Мама поневоле

1

Ксения

Я присела на лавочку в парке, положила рядом пакеты с продуктами и тяжело вздохнула. Зиму я не любила из-за слякоти, которая сейчас была повсюду. Ночью выпал снег, а теперь эта грязная жижа на дорогах и плюсовая температура портили все настроение. Хотя его и так почему-то не было в последние дни. Малышка в животе больно пихнулась, а я вздрогнула, не ожидая толчка такой силы. Погладила свой огромный живот, успокаивая девочку. Так не хотелось подниматься на ноги и идти в квартиру, но сегодня обещали приехать родители ребенка, которого я вынашивала, как суррогатная мама. Никогда бы не подумала, что решусь на подобный шаг, но верно говорят: никогда не говори никогда.

Какое-то время я сидела на лавочке и смотрела, как мамочки гуляли с колясками и малышами. В парке было оживленно, я любила приходить сюда и мечтать, наблюдать за счастьем чужих людей, ощущая при этом внутри тепло и умиро-

творенную радость. Маленькой крохе были необходимы положительные эмоции. А где их было ещё взять? Правильно. Только там, где их раздавали бесплатно и просто так. Среди вымученных, с уставшими лицами, мам, но с сияющими глазами, когда они смотрели на своих детей, я чувствовала себя в своей тарелке.

В клинике, где наблюдали мою беременность, два раза в месяц я посещала штатного психолога. У меня не было никаких проблем, я не считала развивающегося внутри ребенка своим, но все чаще ловила себя на том, что представляю лицо маленькой девочки после рождения и проецирую на нее мысли, что это могла бы быть моя дочь. Например, вот как эта малышка, что баловалась и убегала от мамы, неуклюже перебирала ногами и звала старшего братика. Так смешно...

Всегда мечтала о девочке, но когда у меня родился Макс, то поняла, что всю жизнь ждала именно его. С того самого момента, как впервые взяла его на руки, разделение на пол и какие-то другие статусы были утрачены раз и навсегда. Был только мой ребенок и бесконечная материнская любовь наравне с желанием, чтобы он всегда был здоров и счастлив.

С приближением срока родов у меня на сердце становилось тревожнее. Особенно, когда думала о том, что вскоре мне придется подписать бумаги по передаче ребенка и отдать девочку ее биологическим родителям. Поэтому от визитов к психологу я не отказывалась, и старалась все чаще думать о Максе, что он ждет не дождется, когда я вернусь.

Решительно подобрав пакеты с продуктами, я направилась к дому. Родители девочки предоставили мне комфортабельную квартиру в центре Москвы, которую специально сняли для меня на время беременности. Жена Ивана Сергеевича – Лариса – оказалось ревнивой и строгой женщиной, поэтому я только порадовалась за себя, что меня отселили подальше и выделили отдельное жильё. Чету Гончаровых я не могла назвать образцовой парой, но эти люди были вместе много лет, любили и уважали друг друга и искренне желали этого ребенка, я это чувствовала. Детей они не имели, потому что оба строили карьеру, а потом, когда задумались о наследниках, то оказалось, что со здоровьем у женщины серьезные проблемы. Забеременеть сама она не смогла, и они с мужем обратились в клинику суррогатного материнства. Так мы и встретились. Меня выбрали из трёх кандидаток, я прошла процедуру ЭКО, и вот уже почти как восемь месяцев носила под сердцем ребенка Гончаровых. Мне очень повезло, что я забеременела с первого раза. По отзывам мамочек, отчаявшихся на такой шаг, у многих получалось все далеко не сразу.

Я поднялась на лифте в квартиру, с горем пополам разулась, сняв сапоги, и прошла на кухню, сгружая пакеты на стол. Срок родов мне поставили на конец января. Ходить еще полтора месяца. Водитель Гончаровых привозил все необходимое, но иногда мне нравилось бродить по магазинам самой, выбирая те или иные вещи и продукты. Я по-

тихоньку закупалась мелочами к Новому году, чтобы порадовать маму и Макса, отправив им посылку домой. Моя семья находилась не так уж далеко от меня, но разве из Петербурга особо наездишься в Москву, когда каждая копейка была на счету? К тому же мама сильно болела – не до поездок было. Ей требовалась операция и дорогостоящие лекарства. Собственно, из-за этого я и приехала в Москву, чтобы заработать денег. Подруга работала медсестрой в центре репродукции, и я долго не размышляла, когда она предложила мне попробовать себя в роли суррогатной мамы. Я заручилась ее поддержкой и рекомендациями, сдала анализы. Мне было страшно соглашаться, но где за несколько месяцев заработать восемьсот тысяч рублей? В случае благополучных родов и рождения здорового ребенка мне обещали выплатить этот высокий гонорар.

Разобрав пакеты с продуктами, я поглядела на часы. Вот-вот должны были приехать Гончаровы, у меня было назначено на сегодня плановое УЗИ, и оба родителя изъявили желание на нем присутствовать, чтобы познакомиться с малышкой. Я была этому очень рада. Мне хотелось, чтобы эту кроху, которая развивалась у меня внутри, любили так же сильно, как и я. Но, думаю, что иначе и быть не могло. Лариса была не очень приятной женщиной, ревновала Ивана ко мне, хотя я поводов не давала, но казалась надежной и самостоятельной личностью, которая, я хотела надеяться, понимала весь груз ответственности, соглашаясь завести ребенка и

обратившись к услугам суррогатной мамы.

Помимо болезни мамы, Андрей, мой погибший муж, оставил мне крупный долг. Незадолго до смерти он открыл с другом бизнес и, естественно, после того, как я похоронила мужа, денег, вложенных в автомойку, мне никто не вернул, да к тому же еще и повесили сто тысяч сверху за аренду помещения, какую, якобы, он не платил целый год. Я надеялась, что полученным за роды гонораром мне удастся расплатиться со всеми долгами. Мечтала, чтобы Макс ни в чем не нуждался. Точнее, мы с Андреем мечтали об этом, но год назад он погиб, а мы с маленьким сыном остались одни.

Семья Гончаровых опаздывала на час с небольшим, мне уже во второй раз звонили из клиники и спрашивали, приеду ли я на УЗИ. И тогда я решила набрать Ларисе, чтобы узнать, что их так задерживало. В телефоне женский голос сообщил, что абонент временно недоступен, тогда я позвонила Ивану Сергеевичу, что мне категорически было запрещено делать. В конце концов, пара сама изъявила желание присутствовать на УЗИ и обещала за мной приехать.

Спустя несколько гудков мне ответили, а я сбивчивым голосом принялась объяснять мужчине, что это Ксения и что я жду их уже полтора часа.

– Девушка, успокойтесь, – произнес незнакомый голос. – Не сможет он сейчас подойти. В аварию попали они с женой. Еще утром. Это следователь Воронин. Вы кем приходитеесь Гончаровым? Родственница?

– Что? Авария? – упавшим голосом переспросила я, ничего не понимая.

Родственники? Сестру Ларисы я видела пару раз. И все. Больше я ничего не знала об этой семье. Хотя, стоп, у Ивана Сергеевича был сводный брат, но это не точно. Как-то раз я услышала его разговор с женой, что он знать не желает Глеба, называл его аферистом, бандитом и другими нелицеприятными словами. После этого я решила ничего об этой семье не выяснять, чтобы не переживать за девочку раньше времени.

– Погибли они, – сухим голосом произнес он. – Запишите адрес, чтобы пройти процедуру опознания...

Телефон выпал у меня из рук, а в голове сильно зашумело, словно я оказалась в бушующем море в шторм. По спине покатился холодный пот, и я упала в обморок. Когда пришла в себя от жуткой боли в животе, а мысли прояснились, то я ощутила, как по моим ногам течет что-то теплое. Я просунула руку между ног, подняла ее к лицу и увидела кровь.

Все последующие события происходили со мной, словно я находилась в бреду. Как-то дотянувшись до телефона, я позвонила в клинику, в которой наблюдали мою беременность, и постоянно молилась о том, чтобы с ребенком все оказалось хорошо. Страх за нашу жизнь с малышкой опоясал меня стальными жгутами, боль внизу живота помогала оставаться в сознании, пока в голове то и дело всплывали слова следователя. Но может, он ошибся, а Гончаровы живы? Ведь они так ждали эту девочку. Даже имя ей придумали, хотя мне

оно совершенно не нравилось. Как они могли умереть, не дождавшись ее рождения?

– Миланочка, держись... – шептала я, пока меня везли на скорой помощи в клинику.

Тело трясло как в лихорадке, сознание путалось, и меня сильно тошнило.

– Сильная кровопотеря, сердцебиение плода слабое... Не довезем, – это последнее, что я услышала и провалилась в черную темноту.

Ксения

Открыв глаза, я увидела белый потолок, чувствуя во рту сильную сухость. В голове стоял плотный туман, из которого я никак не могла выбраться. Я лежала, прислушиваясь к собственным ощущениям и по крупицам пыталась воспроизвести все, что со мной случилось накануне, восстанавливая ход событий. Вспомнила, как позвонила Гончаровым, а потом упала в обморок, узнав об их гибели, затем была скорая помощь и преждевременные роды...

Я схватилась руками за живот, но его не было на месте, словно я и беременной не была. А была ли вообще? Нет, точно была! Только где моя девочка? Что с ребенком? Я попыталась привстать, но у меня все закружилось перед глазами в хаотичном беспорядке. Потянувшись руками к кнопке вызова медсестры, которая находилась над кроватью, я нажала на нее. Такое сильное, удушающее чувство страха перед неизвестностью я переживала полтора года назад, когда надеялась, что Андрей на самом деле жив и его ещё можно было спасти.

– Колесникова? Очнулась? – в палате показалась медсест-

ра, она подошла ко мне и поглядела на приборы. – Нет-нет, не вставай! Ты сейчас в реанимации, потеряла много крови, еле довезли, – произнесла она твердым голосом без каких-либо эмоций.

– Девочка... Что с ребенком? Она жива? Вы дозвонились до родителей? – прохрипела я.

Мой голос походил на карканье вороны, мне жутко хотелось пить.

– Так, лежи, сказала! – строго повторила она. – Сейчас сделаю укол, тебе нужно отдыхать и набираться сил.

Она будто со стеной разговаривала или с неживым человеком. Медсестра мне даже в глаза не смотрела и на автомате выполняла все действия.

– Прошу, скажите, что с девочкой! Умоляю!

Из моей груди вылетел сдавленный хрип.

– Жива она, но состояние тяжелое. Больше ничего не знаю. Это тебе лучше у врача спросить, – она опустила голову и наконец-то удостоила меня равнодушным взглядом.

Главное, что жива! Я надеялась, что и Гончаровы были живы, а следовательно ошибся.

– А вот Гончаровы, родители девочки, погибли... – вдруг печально заговорила она. – Забирать и выхаживать ее некому. Ты пока в отключке была, приезжала сестра биологической матери и подписала отказ от ребенка. Жаль мне тебя, но считаю, что тебе повезло – с того света вытащили, матку врачи сохранили, вон, даже денег, слышала, на восстановление

ние получишь. А ведь могли и не выплачивать ничего... Так что, давай, не нервничай, оклемаешься, и домой отпустим.

– Что? Что значит подписала отказ? Так получается, что Гончаровы действительно погибли? – тихо спросила я, испытывая мучительный страх за судьбу девочки.

– Радуйся, что обе выжили. Поступила ты в ужасном состоянии, но у нас здесь прекрасные специалисты, – сказала женщина с неким воодушевлением, но радости в ее голосе не было ни грамма.

Все ее слова звучали, как приговор. А в случае с Миланочкой, так и вовсе смертный. На мои глаза навернулись слезы, а тело забило крупной дрожью. Я была близка к истерике. Я так ждала эту девочку, так надеялась, что у нее все будет хорошо, и я передам ее надежной и благополучной семье, что она вырастет счастливой...

– Эй, ты чего? Ну-ка, соберись... – женщина продолжила мне что-то говорить, но только я ничего не слышала.

По моим щекам текли слезы, а в груди было так больно, что я не могла дышать. Наверное, медсестра вколола мне снотворное, потому что спустя несколько минут я почувствовала, как веки налились свинцовой тяжестью. Я не стала сопротивляться действию лекарства, прикрыла глаза и провалилась в беспокойный сон. Но даже в нем меня не отпускали мысли о ребенке и его дальнейшей судьбе. Разве такое возможно, что у крохи было столько ждущих ее людей, а теперь в один миг ее все оставили и бросили одну на произ-

вол судьбы? Считаю, я своими же руками загубила ей всю жизнь... А если бы я доходила до срока, то ничего бы этого не случилось! Это я приложила ко всему этому руку, и из-за меня от девочки все отказались...

Когда я пришла в себя в следующий раз, то уже не стала звать медсестру, попыталась подняться с кровати сама, отключила себя от многочисленных проводов и направилась в детское отделение. Перед глазами летали черные мушки, меня сильно штормило, но я хотела увидеть девочку – маленькую крошку, которая осталась совершенно одна. Подсознательно я уже думала о том, что не смогу взять такой грех на душу и отправить ее в детдом. Я понимала, что у меня нет денег на ее содержание, особенно, если девочка окажется больна, но разве можно было так поступить с беззащитным существом?

– Ты куда? Здесь детская реанимация, сюда нельзя посторонним! – остановил меня голос проходящей мимо медсестры.

– Я к дочери, я родила ее несколько дней назад. Меня зовут Ксения... Ксения Колесникова... – слабо проговорила я, держась за живот.

Шов тянуло и мне было больно даже стоять, не говоря уже о том, чтобы двигаться.

– Ах, ты к отказнице? Суррогатная мать? – догадалась она. – Пойдем, покажу тебе ребенка. Девочка подключена к аппарату искусственного дыхания. У нее гипоплазия легких,

необходима операция.

– Почему это произошло? Ведь она была совершенно здорова, ни одно УЗИ не показало никаких отклонений...

– Ты только себя не кори, бывает, что и абсолютно здоровые мамы в срок рожают инвалидов, хотя ни одно УЗИ и анализ не выявили патологий. А ты, я слышала, с такой кровопотерей приехала, удивительно, как еще сама выжила.

Я слегка пошатнулась, вспомнив, что вставать мне еще не разрешали, да и сил как таковых не было совершать подвиги, но желание увидеть малышку было сильнее и пересилило мою боль.

Мы подошли к кувезу, и я увидела детское тельце, обмотанное многочисленными проводками. Девочка была подключена к аппарату искусственного дыхания и не подавала признаков жизни. Она лежала такая беззащитная и красивая, такая хрупкая, что я только сильнее утвердилась в своем намерении не оставлять ее. Просто не смогу с ней так поступить. Она изначально была моя, несмотря на то, что кровь в ней текла не моя, но я была ее самым главным человеком все это время; гладила живот и разговаривала с ней, звонила по вечерам Максу и рассказывала ему, как провела день. Мы были с ней вместе с самого начала, и сейчас я просто не имела права оставлять ее, больную или здоровую.

– А что... что, если я ее заберу? – спросила я, ласково погладив прозрачное стекло, мечтая прикоснуться к своей девочке.

Ксения

– Ну и зачем она тебе?

Я повернула голову в сторону женщины и гневно посмотрела в ее лицо.

– Просто поразительно, что именно вы говорите мне эти вещи! Я понимаю, вы каждый день детей видите, как они появляются на свет, и для вас это обычные вещи, но я бы не хотела, чтобы моей дочери, – кивнула в сторону кувеза, в котором лежало крошечное тельце, – попалась такая нянечка. – Мое сердце лихорадочно стучало в груди.

– Вот чудная... – хмыкнула медсестра и смерила меня презрительным взглядом. – Пришла в суррогатное материнство из-за денег, родила бракованного ребенка, да еще жизни меня пытаешься учить? Ты по больницам замучаешься ошиваться с ней! Сердобольная выискалась! А потом такие, как ты, пачками их обратно несут и имена их забывают. Так что не нужно на меня так смотреть, я знаю, о чем говорю.

– Я выхожу ребенка и стану для нее самым любимым человеком на свете. А деньги... Да, я решилась на это все из-за них, но разве в итоге они стоят того, чтобы она осталась

одна и лежала брошенная и никому не нужная? А судя по вашим заявлениям в детдоме и подавно на нее никто даже не взглянет.

Женщина мрачно свела брови, махнула на меня рукой, развернулась и ушла.

Я вышла из детского отделения, ни секунду не сомневаясь в том, что все делала правильно. У Надюши, так я решила назвать свою девочку, будет семья: я, братик и бабушка. На счет последней я была не уверена. Вряд ли мама с энтузиазмом воспримет это мое решение, но я его уже приняла.

Вечером ко мне в палату зашла Верещагина Елена Киреевна, главный врач клиники. Разговор наш не продлился долго, она отдала мне деньги, какие передала для меня сестра Ларисы Гончаровой и выразила личную благодарность за то, что я нашла в себе силы и мужество забрать ребенка. Протянула визитку той женщины, которая свершила самоубийство, отказавшись от родной племянницы, и ушла. Какое-то время я смотрела на пластиковую карточку в своих руках, уверенная в том, что не стану никому звонить, но подумав, решила, а почему бы и нет. Этим звонком хуже не сделаю, но так хотя бы буду уверена, что сделала для Надюши все, что могла.

Мне ответили спустя три гудка, я считала их, чтобы хоть как-то отвлечься от сильного волнения.

– Добрый день, Антонина! Это Ксения Колесникова, суррогатная мама Нади, – твердым голосом проговорила я.

Я решила, что имя Милана этой девочке не подходит, если свыше было суждено, что мы обе остались в живых, то это определенно какая-то надежда на светлое будущее, за которое мне еще предстоит побороться.

– Я звоню вам выразить соболезнования, и... сказать спасибо за деньги, – пусть их было не так уж и много, но тем не менее. – Я хочу, чтобы вы знали, что я собираюсь забрать Надю себе и поставить девочку на ноги.

– Вот как? – серьезно произнесла Антонина. – Неожиданно... – протянула она задумчивым голосом. – А в общем-то, я бы сказала, что это чудесно! Завтра во второй половине дня я подъеду к вам, и мы поговорим. Как вы на это смотрите?

– Весьма положительно, – спокойным голосом отозвалась я. – Может быть, мне удастся вас уговорить не отказываться от Наденьки? Это ведь ребенок вашей сестры...

– Именно, ребенок! А я никогда не хотела и не любила детей. Завтра я навещу вас. Хочу поговорить с вами с глазу на глаз.

Я попрощавшись и сбросила звонок. Может, даже и к лучшему, что Антонина отказалась от девочки? Какая из нее мать после таких заявлений? А Наде будет со мной очень хорошо.

На следующий день меня перевели в обычную двухместную палату, но так как соседку утром выписали домой, я лишь успела провести от силы пару часов в ее обществе и снова осталась один на один с грузом своих тяжелых мыс-

лей. После завтрака я сходила к Наденьке и встретила с детским врачом. Меня больше никто не пытался отговорить забрать ребенка, но сказали, что девочке предстоит операция по удалению доли легкого. Но пока Надя была в плохом состоянии и самостоятельно не дышала, то об этом речи идти не могло. Трудностей я больше не боялась, как и всех страшных диагнозов. Пусть ей даже удалят все легкое, и наша жизнь не будет безоблачной и простой, но зато мы будем друг у друга. А я обязательно вытащу эту малышку из этого ужасного состояния. Окружу ее любовью, поддержкой и теплотой, которые ей никто не подарит, кроме меня и моего Макса.

Антонина приехала в два часа дня. Уверенным шагом вошла в палату со стопкой бумаг в руках. Окинула меня внимательным взглядом, задерживая глаза на моих длинных распущенных волосах, которые я не успела заколоть, и гордо вскинула подбородок.

– Скажу начистоту: мне не нужны какие-то темные пятна в моей кристальной репутации перед вступлением в наследство после смерти сестры и ее мужа. В любом случае, этому ребенку претендовать не на что, а тебе материальная помощь лишней не будет, – сказала она и положила увесистую пачку денег на стол. – Я поняла зачем ты хочешь забрать этого ребенка, но ничего у тебя не выйдет. Это, – она кивнула на деньги, – тот максимум, который ты можешь от меня получить. Я вообще могла бы тебе не помогать, но ты

берешь больную девочку, которая имеет отношение к моей сестре. А так как ребенок родился раньше срока и оказался дефектным, я приняла решение от него отказаться. Мне такое счастье и даром не нужно. Я изначально была против за-теи сестры с этим суррогатным материнством, но ей же вби-лась в голову эту идея, и она Ивана мучила до последнего, пока он не согласился на это все, – Антонина смотрела в мою сторону брезгливым взглядом, говоря все эти слова. – И что в итоге получилось? То, что я и говорила! В общем, так, – деловым тоном заключила она. – Подпиши здесь и здесь, – женщина сунула мне бумаги под нос, я даже толком не успе-ла прочесть, что там. – И, надеюсь, что это наша первая и последняя встреча, поняла?

– Что это?

– Это расписка, что ты взяла деньги и к семье Гончаровых никаких претензий и отношения не имеешь. Так что можешь и не думать бегать потом по юристам и судам. Этот ребенок теперь полностью твой со всеми вытекающими последстви-ями.

– Я и так никуда не побегу.

Я с укором посмотрела в лицо женщины. Она думала, что я забираю Надю ради того, чтобы потом претендовать на какие-то блага ее погибшей семьи?

– Тогда подписывай и распрашиваемся.

Я без промедления поставила свою подпись.

– А брат или родственники со стороны Ивана Сергеевича?

Может, они захотели бы оставить ребенка себе?

Антонина рассмеялась громким голосом и, просмеявшись, поглядела на меня, как на дурочку.

– Хотя что ты можешь знать о его семье, – хмыкнула она и тяжело вздохнула. – Не нужен никому твой ребенок. Глеб и Иван, насколько я знаю, на дух не переносили друг друга, так что... теперь ты мать этой девочки.

– Вы... вы не хотите посмотреть на Надю? – спросила я напоследок, подсознательно зная на него ответ.

– Зачем мне это? Ты решила ее забрать, ты и смотри. А между нами, – она потрясла бумагами и довольно ухмыльнулась, – больше нет никаких дел и ничего общего. Прощай.

Женщина выпорхнула из палаты, оставляя за собой шлейф сладкого и приятного аромата духов, а я перевела взгляд на деньги и на копию расписки, что осталась у меня на руках. Сумма денег, указанная в документе, была далеко не та, как если бы я родила и передала ребенка настоящим родителям, но мне хватит, чтобы в ближайшие дни отправить какую-то часть матери на лекарства. Другую часть я решила оставить на лечение и операцию Наденьке. После, как все устаканится, то устраюсь на работу, чтобы держаться на плаву. Выживем.

Теперь, когда все точки были расставлены над «i», я ощущала внутри некое подобие легкости. Я не испытывала ни капли сомнения в том, что все сделала правильно. Деньги я еще обязательно заработаю и Надю поставлю на ноги, по-

тому что счастье и любовь девочки стоили намного дороже, чем мнимые богатства Гончаровых, за которыми охотилась Антонина. Но Бог ей судья, моя совесть осталась чиста, а в сердце поселилось светлое и нежное чувство к девочке – моей маленькой дочке.

4

Ксения

Спустя два года

Я редко принимала дома гостей, но Алина, моя соседка по лестничной площадке, бывало заглядывала ко мне в гости, мне же всегда было в радость с ней поболтать и отвлечься от своих мамских будней. А сегодня она вдруг ни с того ни с сего принялась звать меня с собой на какую-то тусовку.

– Ксюха, ну ты чего, когда еще будет такая возможность выбраться в свет? Закрытая вечеринка, много состоятельных людей. Вдруг мужчину какого приятного встретишь? Да и место отличное, мы буквально на пару часов туда и обратно. Пойдем, ну, пожалуйста? Ты меня очень выручишь, если согласишься. Я обещала знакомым, что приду с подругой, – уговаривала меня Алина. – И для новогоднего настроения самое оно. Не устала сидеть в четырех стенах?

Устала ли я? Конечно! Но помощи мне ждать было неоткуда.

– Я не знаю, Аль, все это как-то не для меня, да и одежды у

меня подходящей нет. Ты же знаешь, что я не трачусь сейчас особенно и все деньги откладываю для Надюши на повторную операцию. А Максус сколько всего требуется! Он растёт, словно по часам, я одежду не успеваю покупать, и секции его стоят недешево. Ты извини, поищи лучше среди знакомых кого-то еще. Я тебе не подхожу.

Я опустила глаза на свои руки и показала их Але.

– Вон, у меня даже маникюра нет. Ну, ты погляди на меня и на себя. Смешно ведь! – я горько ухмыльнулась.

Я никогда не завидовала Але, скорее напротив, восхищалась ее красотой. Она всегда выглядела потрясающе, одета была с иголочки, и волосы уложены в стильную прическу. Я же иной раз после одной прогулки на детской площадке возвращалась домой, как после великого сражения, и ощущала себя так же. И обновок не покупала себе довольно давно, какой уж педикюр с маникюром...

– Что не так с руками-то? – она перевела на них свой внимательный взгляд. Она с такой горячностью убеждала меня пойти вместе с ней, что я уже почти готова была дать согласие. – Я тебя умоляю... Ну нет наращенных ногтей и что? Все с твоими ногтями руками более чем прилично и аккуратно. И волосы у тебя шикарные. Ксюша, я сейчас никого другого не найду в такое время за пару часов. А про тебя я сразу подумала, ты ведь никуда не выходишь! А за гардероб ты не переживай, – она окинула меня оценивающим взглядом, – что-нибудь подыщем. У меня есть шикарное платье... – за-

думчиво протянула она, не спуская с меня глаз. – С твоей внешностью грех в монашки записываться!

Что-что, а дар убеждения Алина все же имела, но мой здравый смысл его пока перевешивал.

– Ну, а детей я с кем оставлю? Надя же проснется и ко мне захочет. Марию Гавриловну я уже просила на днях с детьми посидеть... – продолжала я упорствовать, надеясь, что подруга все же сдастся, оставит меня в покое и отправится искать более подходящую кандидатуру.

– Попроси еще раз. Она любит твоих сорванцов и с матерью твоей дружила, вас родными считает. Скажи, что тебе на собеседование, она не откажет.

– Собеседование? В семь часов вечера? – рассмеялась я. – Не стану я никого обманывать! – недоверчиво поглядела на Альку и покачала головой.

Сколько знала ее, всегда она была такой взбалмошной, и мать говорила мне держаться от нее подальше. Но мне казалось, что Алина, несмотря на свою ветреность, была вполне хорошей девушкой: Макса любила, и к Наде настороженно не относилась в отличие от остальных соседей. Практически все в доме уже знали, что она была мне неродной, но только я считала, что роднее ее и Макса у меня никого не было. А за эти два года я и впрямь никуда не выходила из дома, кроме магазина, детской площадки и парка аттракционов по праздникам. А сколько времени провела в больнице с Надей...

Конечно, мне хотелось развеяться, и глубоко внутри я за-

горелась желанием пойти с Алиной на эту вечеринку, снова почувствовать себя привлекательной женщиной. В мои двадцать шесть с половиной предложение подруги звучало, как глоток свежего воздуха. Ну что я, в самом деле, как старая дева, дома сижу? Всего пара часов, а какой заряд бодрости и праздничного настроения!

– Хорошо, давай, – согласилась я. – Только недолго. И мои средства строго рассчитаны на такси – туда и обратно. Пить и есть я там не собираюсь. Просто охота выйти в свет.

На все мои условия Алина довольно кивнула головой и расплылась в торжествующей улыбке.

В отличие от меня, у подруги всегда водились деньги, а у нашего дома, благодаря ей, можно было увидеть иной раз крутые и дорогие тачки, которые стоили как целая квартира в нашем доме или, возможно, целых две. Иногда она приходила ко мне посидеть и поболтать за жизнь, но такое случалось довольно редко, потому что я все время была занята бытом, детьми, готовкой, уборкой, работой. Времени ни на что не оставалось.

Пока мы собирались, я попыталась выяснить немного больше о месте, в которое она так хотела отправиться вместе со мной. Оказалось, что это была закрытая вечеринка для узкого круга лиц, сама Алина получила туда пропуск, потому что работала в эскорт-агентстве и занималась сопровождением одного влиятельного человека на всякие торжества последние полгода. Этой части своей жизни она ни от кого

не скрывала и не стыдилась. И за это я ее уважала. Она вела себя уверенно, не засовывала, как страус голову в песок, а с наглой усмешкой смотрела в лицо всем сплетникам и никогда не пыталась оправдываться.

А говорили про нее много всего. Но слухам я давно не верила, потому что про меня тоже что только не говорили: и что я нагуляла Надю с богатым и женатым мужчиной, а когда все вскрылось, он меня выгнал и денег не дал, а девочку я родила больную и с патологиями, потому что Бог меня так наказывал за то, что я семью чужую разбить пыталась. Человеческая глупость бесконечна, а язык у многих без костей. Потому ничье мнение меня уже давно не волновало. Если так всех слушать и переживать за каждое обвинение, то когда жить?

Ксения

Я рассматривала свое отражение в зеркале и не узнавала себя. Алина колдовала над моим образом около часа, и теперь я не походила на прежнюю, забитую и уставшую Ксюшу. Передо мной сидела ухоженная и роскошная модель, не меньше. Броский макияж на лице выделял мои огромные глаза и чувственные губы, а облегающее платье персикового оттенка выгодно подчеркивало мои достоинства; уложенные волосы струились по голым плечам, и я еще никогда такой эффектной себя не видела, даже в день свадьбы с Андреем. Я с восхищением осматривала себя с ног до головы, словно побывала в руках профессионального стилиста.

– Потрясающе... Это точно я? Увы, но взамен могу лишь предложить тебе только мастер-класс по приготовлению борща. Ну, если надумаешь когда-нибудь завести семью и детей, – подняла глаза и взглянула на Алину. – Ты этому учи-лась?

– Немного. Потому как денег не напасешься ходить по салонам и стилистам. А от твоих мастер-классов, я, пожалуй, откажусь, – она качнула головой и усмехнулась. – Это ты

у нас язвать, а мне детей абсолютно не хочется, а тем более портить фигуру. Но ты выглядишь очень хорошо! Могу представить, как мужики потекут слюной на тебя. Сама только гляди, не пустишь во все тяжкие. У тебя сколько мужчины не было?

Поймав ее насмешливый взгляд, я недовольно свела брови.

– Алин! Некорректно задавать такие вопросы...

– Ну ладно, зная тебя и твой монашеский образ жизни, смею предположить, что... кроме Андрея никого у тебя и не было? – беззлобно рассмеялась она.

Это была сушая правда, я сторонилась мужчин после рождения Нади. Да и до того ли мне было с больной матерью и двумя детьми на руках без какой-либо помощи? Долг Андрея за автомойку, которая разорилась, я почти выплатила. С задержками, правда, но деньги Игнату, его бывшему партнеру по бизнесу, отдавала исправно. И уже обрадовалась, что вскоре внесу еще один платеж и смогу откладывать средства на что-то другое, но моим мечтам не суждено было сбыться. Игнат вдруг увеличил сумму долга, сказав, что еще пятьдесят тысяч рублей необходимо отдать якобы за набежавшие проценты. Я сразу поняла, что меня тупо поставили на счётчик, а когда начали поступать неоднозначные намеки, что я могла бы оплатить долг натурой, то стала срочно искать деньги на хорошего юриста, потому что такими заявлениями и шантажом от меня могли требовать денег до бесконечно-

сти.

– Красота! Глаз не отвести, – воодушевленно проговорила Алина, собирая косметику в небольшой чемоданчик. – Когда мужики перестанут обращать на меня внимания, по миру не пойду, пойду работать в стилисты, – с гордостью произнесла она. – Все лучше, чем дома сидеть.

По словам Алины, меня ждал шикарный вечер и куча комплиментов. А когда мне еще представится возможность почувствовать себя привлекательной и уверенной в себе женщиной, как не сегодняшним вечером? Уже завтра утром вернусь к своим кастрюлькам, ученикам и занятиям с Надей и Максом.

– Ты только не бросай меня, хорошо? – попросила я Алину, когда мы спустились вниз и сели в такси.

– Даже, если какой-нибудь мужчина станет оказывать тебе знаки внимания мне тоже быть рядом? – кокетливо улыбнулась она, поправила прическу рукой и назвала адрес таксисту.

– Перестань, – отмахнулась я, уверенная в том, что никому не буду нужна на этом вечере.

Таких смазливых на фигуру и лицо девушек кругом было полно.

– Ксюш... ты только ведь помнишь мои слова? Это закрытая вечеринка, ограниченный круг людей, но место приличное и люди все адекватные. Ты главное веди себя раскованно и непринужденно, даже не переживай, что кто-то тебя оби-

дит. Хорошо?

Алина повернула голову и посмотрела на меня.

– Хорошо.

Я пожала плечами не понимая, с чего она вдруг так разволновалась.

Спустя полчаса машина остановилась возле большого, сверкающего огнями здания с неоновой вывеской. Я давно уже не обращала внимания на подобную красоту в обычной жизни. В центре города так и вовсе все и всегда сверкало разноцветными огнями, и что ни улочка, то она была произведением искусства, чтобы привлекать внимание туристов и радовать глаза гостей города. Сегодняшний вечер мне представлялся волшебным, чем-то похожим на сказку, а себе я казалась принцессой, приехавшей на бал, потому что и в самом деле давно никуда не выбиралась. Только вот несмотря на внутренний подъем, я ощущала грусть. Мы ведь могли бы приехать в это место вместе с Андреем и провести романтический ужин, а за ним ночь... Столько времени прошло, а мне все еще казалось, что я тосковала по мужу.

– Ксюш, идем, что ты замерла?

Я смотрела на сверкающие огни и не сразу перевела взгляд на Алину. Интересно, почему она никогда не была замужем, ведь сама говорила, что ей предлагали руку и сердце? В чем была причина? Неужели ей не хотелось простого и человеческого тепла, семьи и нравилось посещать из раза в раз подобные места? В этом заключался смысл ее жизни?

На входе нас встретил охранник и преградил путь внутрь здания. Ксюша показала ему какую-то визитку и сказала, что пришла с подругой, то есть со мной, по приглашению некоего Родиона Демьяненко.

Я впервые была в таком месте и о порядках пропуска в них и прочем ничего не знала. Даже в клубе никогда не была. С Андреем мы со школы дружили, потом я Максом забеременела. Разве до гулянок нам было с маленьким ребенком на руках? А потом, когда наш младенец немного окреп и подрос... Вот что было потом, я решила сегодня не вспоминать и не портить кислым и унылым видом настроение ни себе, ни другим людям.

Оказавшись внутри здания, я с восхищением продолжила оглядывать роскошь и помпезность богатой обстановки и чувствовала себя лишней на этом празднике жизни. Словно попала в другую реальность. Мне казалось, что каждый из проходящих мимо людей видел, что я на самом деле обычная беднота, случайно оказавшаяся в этом месте и ничего из себя не представлявшая. Пока я размышляла, где достать денег, чтобы отдать долг Игнату и взять с него в этот раз расписку, чтобы он навсегда исчез из нашей с детьми жизни, рядом прошла дама, туалет которой стоил в несколько раз больше каких-то жалких пятидесяти тысяч рублей. Как вариант можно было попросить Алину пристроить меня сюда посудомойкой на кухню. Представляю, сколько здесь зарабатывал персонал... Это не мои часы репетиторства и бессон-

ные ночи за переводом текстов на сайтах по фрилансу.

– Ты посиди здесь, – Ксюша усадила меня на высокий стул возле бара. – Я скоро вернусь. Можешь выпить коктейль ну, или что-то безалкогольное на свой вкус. Я оплачу.

– Нет, спасибо. Я ничего не хочу, – отозвалась я, глядя в сторону сцены, на которой выступала высокая и красивая блондинка.

Девушка пела песню и задевала своим проникновенным голосом струны моей души. Мама всегда говорила, что у меня неплохой голос и, если бы я не ушла из кружка народного пения, то из меня бы вышел толк. Заслушавшись мелодией и звучным пением солистки, я не заметила, как прошли пятнадцать минут. В промежутках я разглядывала толпу разнаряженных женщин, которых почему-то было значительно больше мужчин. Все они ходили по залу и с виду бы не сказала, что это был легализованный притон. Об этом я сделала выводы, когда увидела проходящую мимо девушку в таком крошечном бикини, что на секунду показалось, что она была голышом.

– Ну вот и я! Не успела соскучится? Идем, я хочу познакомиться тебя с одним мужчиной...

Алина взяла меня за руку и нежно погладила ладонь, будто успокаивая.

– Что? – я недовольно свела брови, переводя взгляд на наши руки. – Ты ведь обещала без сводничества. И... знаешь, я уже скучаю по детям и хочу домой!

Сделала шаг в сторону выхода, высвобождая ее руку из своей.

– Господи, какая ты скучная, – вздохнула Алина и закатила глаза. – Пошли! Я ведь договорилась, – подруга снова взяла меня за руку и потянула за собой. – Родион Демьяненко очень респектабельный мужчина, – Алина восхищённо улыбнулась. – Уверена он произведет на тебя неизгладимое впечатление. Ты таких еще не встречала!

Ксения

Не знаю, зачем послушала Алину и позволила ей повести меня за собой. Меня подкупало то, что место с виду и в самом деле выглядело приличным, а кроме полуголых девиц, словно они дефилировали по подиуму и рекламировали нижнее белье, ничего ужасного не увидела. Такого и в обыденной жизни сплошь и рядом было полно, а в ночных клубах подобных барышень, наверное, было гораздо большее количество.

Мы прошли через весь зал, который походил на лабиринт с указателями и, оказавшись в длинном коридоре со множеством дверей, вошли в одну из комнат. В помещении стоял приглушенный свет, а музыка из зала почти не доносилась.

– Свободен, Миша, – произнес грубый баритон, а я подняла глаза, встречаясь с незнакомцем взглядами.

Одетый в черный классический костюм названный Миша по габаритам был похож на того Кинг-Конга на входе, словно их клонировали. Здоровяк покинул комнату в ту же секунду, закрыв за собой дверь, а я, сглотнув нервный ком, подняла на Алину взгляд. Вся эта обстановка и напряженная атмосфера

ра, которая только сейчас стала мне сильно осязаема, вдруг вызвала странные ощущения. Мы стояли с Алиной разнаряженные, как рождественские елки, и разукрашенные, словно куклы на продажу. С этим местом, определенно, было что-то не так. Точнее я сразу это поняла, но именно в этот момент лишилась всяких иллюзий.

Сосредоточив глаза на незнакомце с залысиной на голове, я перевела неуверенный взгляд на дверь, мечтая оказаться с другой стороны, как и Кинг-Конг по имени Миша. Алина говорила, что познакомит меня с роскошным и представительным мужчиной? Только вот тот, что стоял напротив нас больше походил на бандита из лихих девяностых или на Игната, который разводил меня на деньги и интим.

– Девочка моя, не представишь нас?

Лысый бугай сверкнул на меня горящими и похотливыми глазами, а меня пробрало холодом до костей от взгляда его черных глаз.

– Да, Родион, конечно. Это Ксюша, моя подруга, – ележным голосом произнесла Алина, обнимая меня за талию.

– Ну, проходите, присаживайтесь, Ксюша.

Он жестом руки пригласил нас присесть на диван. Я только сейчас заметила жалюзи на стенах вместо обоев. Неужели это были огромные окна в пол? Но зачем они были необходимы в вип-комнате? Чтобы наблюдать вечерние городские пейзажи?

Присев на край дивана, я приняла из рук Демьяненко бо-

кал с шампанским и продолжила изучать интерьер. В углу стоял еще один большой кожаный диван, два кресла и стол. Тот, за которым мы расположились – на нем стояли закуски и шампанское в ведерке со льдом.

– Расскажите о себе, Ксюша, вы очень напряжены. Расслабьтесь. Сделайте глоток, – он кивнул в сторону фужера. – Это всего лишь вип-комната, чтобы спрятаться от шума и назойливого внимания других людей. В моем положении это своего рода норма поведения. Я не привык выставлять свою жизнь напоказ. Исключение может составить разве что Алиночка.

– Я... мне нечего рассказать... Я домохозяйка. И...

– Родион, ну ты же видишь, что она смущена. Дай ей немного привыкнуть к новой обстановке. Пей, Ксюш.

Алина кивнула на бокал в моих руках и улыбнулась мне своей приторной улыбкой, от которой мне стало не по себе. Никогда не любила притворства, и сейчас я чувствовала фальшь в каждом ее слове и действии.

У меня и в самом деле пересохло в горле от волнения. Сделав глоток, и потом ещё один, я в итоге допила вкусный и сладкий напиток и поставила фужер на стол. Я решила, что десяти минут вежливой беседы будет вполне достаточно, а потом скажу, что мне пора уходить и покину комнату. Заводить «знакомства» ни с какими респектабельными женихами Алины я не собиралась. Неизвестно еще, зачем они меня сюда пригласили...

– Я действительно чувствую себя немного не в своей тарелке.

Пара переглянулась и загадочно улыбнулась друг другу. Алина медленно поднялась на ноги и совсем не стесняясь меня и моего присутствия расположилась на коленях спутника и принялась целовать его на моих глазах, всецело отдаваясь своему чувству. На секунду меня посетила мысль, что я оказалась на съемках второсортной порнушки в качестве зрителя. Но вместе с чувством брезгливости я внезапно ощутила в груди жжение, а затем легкость. Она распространялась по моим венам с оглушительной скоростью, даря мнимый всплеск адреналина. Сознание слегка поплыло, меня качнуло в сторону.

– Вы... вы что-то добавили мне в питье? – догадалась я, чувствуя себя так, словно на меня наложили обморок, и теперь я видела подмененную реальность.

Действия Алины мне теперь не казались неприятными и отталкивающими, скорее плавными, легкими, завораживающими, как будто все происходящее записывали в замедленной съемке. Родион игриво улыбнулся и скользнул глазами по моей фигуре, задерживая взгляд на открытом декольте.

– Ничего запрещенного. Ты ведь пришла расслабиться, не так ли? – протянул он низким баритоном, рассматривая меня так, будто я уже принадлежала ему.

Меня охватило острое желание сказать или сделать что-нибудь такое, чтобы с мужского лица исчезло самодоволь-

но-снискходительное выражение, но я не могла ухватиться ни за одну здравую мысль в своей голове, кроме одной: мне следовало подниматься и уходить, пока не было поздно, пока то, что мне подмешали в питье, окончательно не затуманило мой мозг и не привело к нежелательным последствиям.

– Родион, открой, пожалуйста, жалюзи, – попросила Алина, смотря на меня горящими глазами.

Если меня так развезло от одного бокала выпитого напитка, то сколько они употребили этой гадости, чтобы вести себя так развязано и раскрепощено в присутствии постороннего человека? Или они были извращенцами от природы и без вспомогательных препаратов?

– Алина, зачем это все? Ты ведь обещала, что все будет... не так?

Я ощутила странный прилив в груди и новую волну бурлящего потока, который пронесился по венам обжигающей лавой.

– Все будет просто замечательно, поверь, – ласково улыбнулась она.

Поднялась на ноги и подошла ко мне, присела рядом и погладила меня по плечам. Ее движения и ласки не были мне противны, но они казались противоестественными. Я терялась в водовороте этих странных ощущений и чувств, понимая, что это изначально была ловушка, меня пригласили на эту встречу, чтобы устроить... секс втроем? Такие были развлечения у богатых и уважаемых мужчин?

Ксения

Родион поднялся на ноги и медленной походкой подошел к столу, который находился в другом углу комнаты, взял в руки пульт, щелкнул на какую-то кнопку и жалюзи поползли вверх, а мои догадки на счет окна подтвердились. Это и в самом деле оказались окна, только они выходили отнюдь не на проезжую часть. Прозрачная стеклянная перегородка, будто была продолжением этой комнаты, с одним единственным отличием – в нашей пока еще не занимались сексом. Пара в откровенной позе совокуплялась прямо на виду у нас... Подобное не укладывалось в голове! Что это было за место? Куда меня привела Алина? Зачем? Это была закрытая секс-вечеринка для извращенных богачей? Поэтому она меня так вырядила, чтобы развлечь своего престарелого, лысого денежного мешка, от которого меня воротило?

– Интрига заключается в том, что мы их видим, а они нас нет... – протянул Родион, приблизившись к нам с Алиной, рассматривая своим скользким и плотоядным взглядом, от которого хотелось спрятаться, скрыться, испариться, на худой конец.

У меня пересохло во рту, я с трудом проглотила вязкую слюну, не веря своим глазам. Я никогда до этого дня даже порно не смотрела, а тут сразу увидеть такое, да к тому же еще и вживую...

– Но... ведь и нас тоже кто-то видит? – потрясенно прошептала я.

Не отрываясь, я смотрела в сторону парочки, бесстыдно ласкающих друг друга. Мужчина грубо проникал в женщину своим членом, а она призывно кусала губы и, судя по её открытому рту, сильно стонала от наслаждения. А может, её тоже чем-то опоили, а я вот так же, как и она через несколько минут буду извиваться под Родионом? Эта мысль меня отрезвила и заставила неприятно вздрогнуть.

– Нас – нет, – лукаво улыбнулся Родион. – Таких комнат всего две, и обе сейчас заняты. Я ведь говорил, что не выставляю личную жизнь напоказ.

– Это все...

– Очень будоражит и заводит, не так ли? – перебила меня Алина.

Мое лицо покрылось краской стыда, когда рука Алины оказалась в моем декольте, и она начала пальчиками играть с моими напряженными сосками. В голове, словно образовался туман. С каждой минутой меня накрывало плотным маревом все сильнее. Я полностью отдавала отчёт своим действиям, но как будто наблюдала за собой и этими двумя людьми со стороны.

Родион обнял меня за талию и привлек к себе с другой стороны, а я оказалась в импровизированной ловушке. Мне были неприятны мужские прикосновения, они казались тяжелыми, противоестественными, его руки хотелось незамедлительно сбросить, словно они были ядовитыми насекомыми. Все происходящее было крайне неправильным. Алина обманом завлекла меня в эту комнату, а сейчас собиралась подложить под этого мужика, опоив какой-то дрянью? Ради чего? Неужели это были и в самом деле их извращенные забавы?

Тонкая бретелька моего платья упала с плеча. Родион ласково погладил кожу, а затем опустил голову и поцеловал в оголенный участок тела. Меня парализовало от страха и стыда. Действия этой парочки были слаженными, уверенными. Я поймала себя на мысли, что они, возможно, не в первый раз разводили на совместный секс такую глупышку, как я.

– Н... Нет, – я попыталась высвободиться из кольца двух рук, отвернувшись, когда губы Родиона дотянулись до моих. – Мне неприятно.

Отчасти я не лгала. Вся эта атмосфера и выпитый бокал шампанского с каким-то веществом, будто делали меня другой Ксюшей, но я все еще оставалась ею и была против секса втроем. Я резко встала с дивана и, на ходу поправляя свой внешний вид, нетвердой походкой направилась к двери.

– Дурочка! Ведь потом будешь жалеть. Алина сказала, что у тебя трудное финансовое положение, а я очень щедр с от-

звывчивыми и понравившимся партнершами... – услышала в спину угрожающий бас.

– Нет, мне ничего не нужно.

Перед глазами все кружилось.

Я надеялась, что охранник, которому приказали ждать снаружи, не станет возвращать меня в это порочное место. Мне стоило как можно скорее уходить отсюда, вычеркнуть из телефонной книги имя Алины. Навсегда. Отныне нам с ней не по пути. Я не гналась за подобной жизнью. И не просила у нее такой помощи.

– Ксюша! – подруга догнала меня у двери и схватила за руку. – Не глупи! – зашипела она. – Это не детей больных рожать. Всего лишь одна ночь, и ты обогатишься. Долги отдашь и квартиру продавать не нужно будет. Я попросила Родиона добавить тебе в питье немного афродизиаков, тебе понравится этот секс. Он любит, когда девушки две...

– Отпусти! – пролепетала я, чувствуя себя и в самом деле возбужденной.

Все это был обман, протекция реальности и ничего общего со мной не имело! Я бы никогда не позволила себе подобного поведения в обычной жизни!

Я выскочила за дверь, чтобы не позволить ей запудрить мне мозги, потому что состояние, в каком я находилась, было легко вменяемым. Картинки в моей голове то и дело воспроизводили сцены за стеклом, а между ног против воли растекалась горячая лава, принося сладострастные муки. Очень

нечестный поступок по отношению ко мне, а ведь мама оказалась права, предостерегая меня держаться от Алины подальше.

– Алина! – услышала я голос за спиной Родиона, – вернись в комнату! Миша приведет другую девушку. Но... если ты желаешь эту... вернет ее, и мы предложим выпить ей еще... Не переживай, далеко она не уйдет, – донесся до меня их разговор. – На выходе стоит охрана.

Меня сильно напугали эти слова. На ватных ногах я добежала до конца коридора, но заметив того самого бугая Мишу, который словно вырос из-под земли, бросилась к первой попавшейся двери, молясь о том, чтобы за ней никого не оказалось, а сама я не угодила в еще больший клубок проблем. Опустив ручку, слава Богу та мне поддалась, я попала в темную комнату, в которой, кажется, никого не было. Переводя судорожно дыхание, я бегло окинула помещение глазами. Не заметив совокупляющихся пар, я выдохнула и провернула замок, слушая оглушительные удары своего сердца. Из этого места следовало делать ноги и как можно быстрее. А лучше всего посидеть в этой комнате, пока из меня не выветрится весь дурман, каким опоила меня эта парочка. Наверняка Родион уже успел отдать указание, чтобы меня вернули в их комнату, как только я попробую покинуть это ужасное место.

– Я не заказывал сегодня ничьего общества, – услышала стальной голос из темноты и вздрогнула всем телом.

Медленно обернулась, отгоняя от себя туман, который об-

волакивал меня все плотнее. И лишь сейчас заметила, что эта комната была очень похожа на ту, из которой я только что сбежала. И жалюзи были открыты, но за стеклами не было видно дико совокупляющихся людей. Кажется, вдалеке у шеста одиноко танцевала девушка, а до слуха слабо доносилась спокойная мелодия.

В комнате было темно и, глаза, привыкшие к полумраку, наконец увидели очертания мужского силуэта. Незнакомец сидел за столом в одиночестве в расслабленной позе, а перед ним на столе стоял стакан и бутылка. Он вдруг поднялся и направился ко мне уверенной походкой.

Ксения

Я вдруг поняла, что дрожу всем телом и не могу сдвинуться с места. От незнакомца исходила опасность похлеще, чем от Родиона Демьяненко, но его аура и внешний вид были в разы приятнее и вызывали... интерес?

– Извините, я ошиблась дверью. Сейчас уйду... – произнесла я запинаящимся голосом, совсем не желая оказаться снаружи и попасть в руки охранника.

– Очень своевременная ошибка, – протянул он низким голосом с заметной хрипотцой. – До этой минуты я тоже ошибался, решив провести этот вечер один, – он пристально смотрел мне в глаза, а затем опустил их вниз, сканируя меня внимательным взглядом, отчего на моих щеках выступил румянец. – Я не против твоего общества, – спустя небольшую паузу проговорил он. – Ты мне нравишься.

Незнакомец слегка приобнял меня за талию и увлек за собой вглубь комнаты. Я оглянулась в сторону двери, как на спасительный маяк. Казалось, вот-вот в нее кто-то войдет и вызволит меня из этого одурманивающего водоворота, но ничего не происходило. Да и что могло произойти, когда

я сама закрыла дверь на замок, боясь, что меня настигнет охранник Демьяненко и поволочет обратно на оргию? Проблема заключалась в том, что я сама пришла в это место, никто меня силой сюда не тащил, а, следовательно, спрашивать в этой ситуации мне стоило лишь с себя.

Мужчина расположил меня у самого стекла, за которым извивалась в эротическом танце девушка. Свет от прожекторов падал ему на лицо. Если бы встретила его в обычной жизни, то обязательно запомнила эти красивые черты; с левой стороны на щеке виделся небольшой шрам, а насыщенные глаза янтарного оттенка были прям, точь-в-точь, как у моей Наденьки. Вспомнив о детях, я немного пришла в себя, но мой пожар внутри, увы, никуда не делся, скорее напротив – разгорался с каждой минутой сильнее, словно кто-то добавлял поленья в костер и поливал их розжигом. Незнакомец оказался выше меня почти на голову, был широк в плечах, и на его фоне я выглядела маленькой Дюймовочкой. Неужели такого, как он, могли привлекать такие хрупкие девушки, как я?

– Я впервые на такой вечеринке... – попыталась я объяснить еще раз. – Это все ошибка... – сбивчивым голосом говорила я, ощущая на теле его большие руки, а в голове легкий туман.

Мужские прикосновения вызывали странный трепет, и я поняла, что не хочу ничего ему объяснить. Глупо, опрометчиво было пускать все на самотек, но именно это я и со-

биралась сейчас сделать.

– В таком случае у нас с тобой много общего, – тихо приговорил он все тем же глубоким голосом, опустил свои руки мне на плечи и потянул ткань платья вниз. – Из этой комнаты никто и никуда не выйдет, пока я этого не захочу, – от низкого рокочущего голоса по моей спине пробежали мурашки.

Во мне сражались две сущности: одна из них хотела бежать от этого притягательного незнакомца, а вторая – остаться. Еще я могла вернуться к Алине и Родиону или попытаться объяснить с мужчиной и попросить его вывести меня из здания. Но что-то мне подсказывало, что он не был настроен говорить, судя по его решительным действиям.

– Это одностороннее стекло, – произнес он. – Она нас не видит.

Нечто похожее я уже видела, но только картинки были откровеннее. Красивая мулатка и ее танец вызывали куда больше приятных ощущений и чувств, чем дикий и грубый секс, какой я наблюдала мгновениями ранее в другой комнате.

Незнакомец слегка наклонился и коснулся влажными, теплыми губами кожи на моей шее. Не почувствовав моего сопротивления, он продолжил увереннее, прокладывая мокрую дорожку к груди. Господи, Ксюша, да что же ты стоишь и позволяешь за последние десять минут уже второму мужчине подобные наглые ласки? Но если прикосновения, запах, голос и лицо Родиона мне были крайне неприятны и вызывали отвращение даже под воздействием каких-то препара-

тов, то сейчас же ничего омерзительного я не чувствовала. Скорее, напротив, тонула в приятном омуте ласковых прикосновений и даже не предпринимала попыток всплыть.

Незнакомец крепко сжал мою талию руками и принялся втягивать по очереди в свой рот мои возбужденные соски. В какой-то момент у меня подкосились ноги, дыхание окончательно сбилось, а платье упало к ногам бежевым облаком. Я осталась стоять в одних трусиках и к своему ужасу не ощущала ни грамма стыда по этому поводу. Мне, наоборот, хотелось продолжения, хотелось, чтобы эти руки ласкали и сжимали мое тело. Притягательный мужской запах проникал глубоко в легкие, вытесняя все страхи. То ли это было действие того «чудесного» напитка, который, подобно цветку, распустился внутри меня и разбудил это желание и чувственность, то ли же это была заслуга этого самого незнакомца, не знаю. Но я совершенно потеряла счет времени и впала в протрацию. Это все походило на сон. А может, сказывалось полное отсутствие секса? Я не была с мужчиной с момента гибели мужа.

Руки незнакомца легли мне на плечи, он слегка надавил на них, проникновенно смотря мне в глаза. Его темный взгляд был красноречивее любых слов. Я поняла, что он хотел, чтобы я опустилась перед ним на колени. Но я еще ни разу не делала такого. Наш секс с Андреем был... он просто был, и я никогда не жаловалась и даже получала иногда оргазм.

Поддавшись его силе, я опустилась на колени и поглядела

на него снизу вверх, глотая вязкую слюну и ловя себя на мысли, что он был слишком красив, чтобы проводить этот вечер в одиночестве, а Алина и Родион неприятными и наглыми обманщиками, которые не вызывали и долю тех чувств, что этот мужчина.

– Я... я еще никогда этого не делала... – выдохнула я, смотря на него большими глазами.

– Может, и с мужчиной никогда не была? – ухмыльнулся он. Даже улыбка у него была красивая и опасная, но убежать мне по-прежнему не хотелось.

– Я еще никогда не делала минет... – повторила я полупшепотом.

– Расстегни мои брюки, справишься, – в его голосе не было насмешки или недоверия. Взгляд янтарных глаз сделался темнее.

Я облизала пересохшие губы, смотря на него снизу вверх, думая, о том, что это моя последняя попытка уйти. Но приняла решение остаться, каким бы глупым и бездумным не был этот поступок. В конце концов, меня никто и ни к чему не принуждал, и я была уверена, что принуждать не будет.

А еще я безумно желала увидеть его мужскую мощь. Мне казалось, что такие красивые, как он должны были быть прекрасны во всех местах. Мои руки дрожали, но я как-то справилась с ремнем на брюках. Пальцы совершенно не слушались, а сердце гулко билось в груди, казалось еще чуть-чуть, и оно выскочит на пол и упадет у его ног. Фактически я ни-

кого не обманывала, а в эту минуту хотела остаться с этим мужчиной, и вовсе не из-за того, что могла вновь угодить к Алине и неприятному Родиону. Мне хотелось хоть раз, пусть и под воздействием каких-то таблеток и препаратов, отпустить все тормоза и забыть о принципах, что я мать, что в моей жизни куча проблем и обязанностей. Потом я обязательно забуду об этой ночи, вычеркну ее навсегда из своей памяти. А сейчас захотелось отдаться желанию, утолить интерес, и узнать, что последует за этими смелыми ласками, которые я собиралась попробовать с этим незнакомцем.

Чиркнув молнией на его ширинке, я спустила вниз брюки вместе с боксерами и разглядывала член, словно видела тот впервые в жизни. Он был огромным, с выступающими венами, на большой головке блестела капля влаги. Ощувив себя крошечной Дюймовочкой второй раз за вечер, я подумала о том, что он во рту у меня едва поместится, не говоря уже...

– Обхвати головку губами, – раздался властный приказ.

Спустя паузу, я схватилась руками за его бедра и ощутила под ладонями стальные мышцы. Мужчина напрягся, когда я сделала так, как он сказал. Все происходящее было донельзя интимным и очень пикантными, чем-то новым и неизведанным, но это безумно заводило, адреналин гонял по венам кровь, я ощущала пьянящее возбуждение.

– А теперь посмотри на меня. Хочу видеть твои глаза.

Я подняла затуманенный взгляд, встречаясь с его потемневшими янтарными омутами и продолжала оттачивать свои

неумелые движения ртом. Мне казалось, я выгляжу смешно и делаю все не так, но внезапно услышала, как мой незнакомец хрипло вобрал в себя воздух. Его рука оказалась в моих волосах и он начал помогать мне, задавая ритм и темп движениям. Не знаю, в какой из моментов я стала получать удовольствие от процесса, но мне вдруг захотелось сделать ему приятно, чтобы еще раз услышать этот сдавленный стон из его рта, который вызывал рой мурашек на теле.

– Ты чертовски хорошо это делаешь для первого раза, – на его губах промелькнула порочная улыбка. – Но сделаю вид, что поверил твоим словам, – тихо проговорил он.

Поднял меня, словно я была легкая пушинка, и развернул к стеклу, впечатывая в него своим телом. Моя теплая и разгоряченная кожа соприкоснулась с холодной поверхностью, и я ощутила новую волну дрожи от таких контрастов. Мужчина на несколько секунд оставил меня одну, а затем я услышала звук разрываемой фольги. Не успев опомниться и прийти в себя, я почувствовала грубый толчок, и громко вскрикнула. Мужской член растягивал меня под свои размеры, причиняя боль.

– Расслабься, – успокаивающе прошептал он мне в шею, опаяя своим горячим дыханием. – Ты очень узкая...

Я прогнулась в пояснице, расслабилась и пустила его глубже, ощущая, как запретное желание вновь овладевает каждой моей клеточкой.

Мощные, короткие толчки и нежные прикосновения муж-

ских рук приводили меня в мучительный экстаз. Спустя несколько минут я содрогнулась всем телом и замерла, выкрикивая из своего рта хриплые стоны. Оргазм был похож на сильный удар током. Он лишил меня сил, я едва могла стоять на ногах. Держалась руками за стекло, соскальзывая вниз, разгоряченная и мокрая от безумства, что происходило между мной и этим мужчиной. Он подхватил меня на руки и отнёс на диван, и сумасшедшее истощение друг друга продолжилось по новой.

Я сбилась со счета, сколько раз он поменял презерватив, и уже давно потеряла связующую нить с реальностью. Внутри искрило так, что казалось вот-вот замкнет, а я потеряю сознание – наслаждение раз от раза становилось только сильнее. Из моего рта вырывались пошлые и грязные стоны, которые заполняли комнату. Я не сводила глаз с мужского лица, пот с его лба стекал мне на лицо под мои неумолимое: «Еще, пожалуйста! Еще...» Я уже не понимала, не ощущала ничего, кроме мужского тела, горячего, прерывистого дыхания и ритма упругих толчков внутри себя и думала только обо одном, что не смогу забыть эту ночь.

Ксения

Не помню, как отключилась. Кажется, я заснула, полностью обессилив, и не могла пошевелиться от изнеможения. Мне снились тяжелые и беспокойные сны, пропитанные тревогой и разными страхами. Я резко открыла глаза и, поморщившись от боли в висках, уставилась в одну точку, прислушиваясь к собственным ощущениям: чувство было такое, как будто я бодрствовала несколько дней подряд.

В комнате было темно, жалюзи плотно закрыты, и кругом стояла оглушительная тишина. Я повернула голову в сторону и встретила с пристальным взглядом янтарных глаз. Мой незнакомец сидел по пояс голым, откинувшись на спинку кресла. Вытянув длинные ноги вперед, он смотрел на меня. Перед ним на столе стояла все та же бутылка и стакан. Его грудь размеренно поднималась и опускалась в такт его дыханию. На секунду показалось, что мне все померещилось, и в комнате никого, кроме меня, нет, а все происходящее всего лишь тревожный сон, а его образ – видение.

Я отвела глаза от мужского лица и наткнулась взглядом на свою одежду, которая лежала на полу. Решительно опустив

ноги на пол, я поднялась с дивана, чтобы собрать вещи и наконец-то уйти из этой комнаты, но, не простояв и пары секунд, упала обратно. Тело все еще не слушалось меня: то ли это были отголоски того «чудесного» напитка, то ли активно проведенные несколько часов с мужчиной, я не знала. Мне хотелось как можно скорее покинуть это место, забыть об этой ночи, незнакомце и Алине. Особенно о последней. Сегодня же швырну ей все вещи в лицо и скажу, чтобы больше порог моей квартиры не переступала. Благодетельница! Чувство злости на подругу придало сил. Я несколько не освобождала себя от ответственности и понимала, что сама согласилась на секс с совершенно посторонним и незнакомым мужчиной, но что теперь об этом думать? Дело сделано.

– Я отвезу тебя домой.

Я опустила глаза на бутылку и стакан.

– С меня определенно хватит на сегодня экстрима, – проговорила я, понимая, что и без того перевыполнила лимит по глупости.

Губы незнакомца дрогнули, а на лице появилось жесткое выражение.

– Мой водитель будет за рулём.

Он сканировал меня тяжелым взглядом. Меня пробрала странная дрожь от его голоса, а на коже снова выступили мурашки. А ведь я должна уже была оправиться от дурмана? Или сколько времени он действовал? А сколько времени прошло с момента, как я переступила порог этой комнаты?

Мария Гавриловна, наверное, от волнения и места себе не находила.

– Не нужно, – я слабо качнула головой и тут же пожалела, что вообще пришла в себя, чувствуя звон в ушах и слабость во всем теле. В таком состоянии я бы не отказалась от чашки сладкого и крепкого чая, чтобы хоть немного вернуть способность ясно мыслить. – Я вызову такси.

Мне только не хватало продолжать это «знакомство». Неизвестно еще, что он был за тип. Кажется, я начала приходить в себя, размышляя о таких правильных вещах? Аллилуйя!

– Хорошо, – он поднялся на ноги, взял со спинки кресла черный свитер и натянул его на тело одним легким движением. – Называй адрес, я вызову машину.

Я видела, что он потянулся к телефону, который лежал на столе, взял его в руки и вызвал такси, называя адрес этого притона, который теперь навечно высечется в моей памяти. Затем взял в руки бумажник и достал несколько зеленых купюр. Положил деньги на стол и выжидающе посмотрел, словно ждал от меня каких-то слов. Или я ценник должна была ему сейчас свой озвучить?

Я отвела глаза в сторону, сглотнула подступивший комок к горлу, ощущая горькое послевкусие от бурного секса и поднялась на ноги, наплевав на сильное головокружение и тошноту. Подобрала с пола платье, там же нашла клатч и обувь.

– Мне не нужны деньги, я их не возьму, – сказала я делан-

но спокойным и снисходительным тоном.

– Это на такси, – я выпрямилась, взглянув на него. На секунду я ощутила, как внутри меня вдруг возникло отчаянное желание вновь испытать прикосновение его рук. – Я никогда не плачу за секс, а ты совсем не похожа на шлюху.

До этой ночи я полагала, что была примерной матерью, но так ли это обстояло на самом деле? Отвернувшись, я натянула на себя платье настолько быстро, на сколько мне позволяло мое состояние, и не поднимая глаз, направилась к двери. Я и так задержалась в этом месте. И самое лучшее, что могла сделать – уйти, чтобы вконец не растерять своего достоинства, которого и так почти не осталось.

Подошла к двери и, коснувшись рукой металлической ручки, замерла. Мне хотелось обернуться и еще раз взглянуть в красивое мужское лицо, но... зачем? Я и так его теперь не смогу забыть.

Оказавшись в холодном и темном коридоре, я огляделась по сторонам. Страх, что охранник на выходе не выпустит меня из этого здания, все еще подстегивал меня, заставляя вести себя настороженно. Но благо на меня даже никто не обратил внимания. От того шикарного вида, с каким я переступила порог этого борделя, осталось лишь одно название и красивое платье. Я же чувствовала себя абсолютно выпотрошенный, как внутри, так и снаружи.

Дрожащими руками достала телефон из маленькой сумочки, разблокировала его и увидела кучу пропущенных

звонков от Марии Гавриловны и Алины, сбросила их в строке уведомлений и набрала номер такси. Я не собиралась садиться в машину, какую вызвал для меня этот незнакомец, потому что не хотела, чтобы он знал обо мне хоть что-то, а тем более мой адрес. Скорее всего он и не стал бы меня преследовать, но лучше перестраховаться. Жечь мосты, так уж по-крупному. Никаких полумер!

В машине я перевела немного дух и набрала Марию Гавриловну. Она начала свою речь с причитаний и слов благодарности Всевышнему, что я наконец-то вышла на связь. Заверив ее, что буду дома через полчаса, она немного успокоилась. Я спросила про детей и, удостоверившись, что с ними все было хорошо и они мирно спят в своих кроватях, отключила телефон. Падение своего морального облика я уж как-нибудь переживу, а еще лучше забуду. Ну подумаешь, оступилась и занялась сексом с незнакомцем, как ненормальная трахалась с ним несколько часов подряд в закрытой вип-комнате. Так мы больше с ним никогда не встретимся. Единственное, что вызывало опасения, так это полное отсутствие с моей стороны какого-либо раскаяния на этот счет. Надеюсь, таким образом не проявлялись во мне какие-то скрытые блядские наклонности?

– Ксюшенька, девочка моя, я всю ночь тебе звонила! – запричитала Мария Гавриловна дрожащим голосом стоило мне переступить порог своей квартиры. – Я уже собиралась звонить в полицию и больницы. Чего только не передумала.

Подружке твоей телефон побила, а она сказала мне, что не знает где ты и знать больше этого не желает.

– Все хорошо, Мария Гавриловна, неприятности небольшие возникли, но не переживайте за меня, – натянула улыбку и погладила женщину по руке, успокаивая.

– Господи, деточка, а может тебя...

– Так, стоп, без «может»! – сглотнула нервный комочек, представив на секунду, что, будь мама жива, то сейчас бы я оправдывалась перед ней. Но я и без того ощущала себя отвратительно. После такого хоть в монастырь уходить и стричься в монахини, чтобы замаливать свои ночные грехи, да детей не на кого оставить. – Ничего со мной ужасного не случилось, – заверила я Марию Гавриловну. – Со мной все хорошо.

Так хорошо, что я едва стояла на ногах, а все мышцы болели, словно я железки таскала в спортзале.

– Ох, Ксаночка, ты не обманываешь меня? Тебя точно никто не...

– Нет, Мария Гавриловна, никто меня не изнасиловал, – перебила я старушку твердым голосом. – Спасибо, что посидели с детьми, вот возьмите, – я вложила купюру ей в руки и вспомнила, как незнакомец пытался вот так же оставить мне деньги на такси.

Да, я особо не шиковала, чтобы раскидываться деньгами налево и направо, считала каждую копейку, но и Мария Гавриловна жила одна, получала мизерную пенсию и помощи

ей ждать было неоткуда. А я вон подрабатывала репетиторством, а не ночными потрахушками, – напомнила я себе. И стыдиться мне было нечего. Да, оступилась, но с кем не бывает.

– Спасибо тебе, Ксаночка, помогаешь ты мне, одна ты моя отдушина с ребяташками. Но денег я твоих не возьму. Вам они больше пригодятся. Ты иди, отдыхай, а я после обеда к вам загляну, – сказала она, собрала свои вещи и направилась к двери.

После ее ухода я устало присела на стульчик в прихожей – Надю на него сажала перед прогулкой, чтобы ботиночки ей застегнуть. Вздохнула тяжело и опустила голову на колени. Господи, что я творю? Ведь было же в моей жизни все хорошо и относительно спокойно. Зачем, спрашивается, мне понадобились эти приключения? Не было у меня мужика вон сколько времени и еще столько же не нужно, и незачем теперь изводить себя всеми этими мыслями и воспоминаниями.

Ксения

Часы показывали начало шестого утра. Мне бы поспать и решить все свои дела с Алиной утром, но я боялась, что растеряю все свою уверенность и запал. Резко поднявшись на ноги, я стянула с себя платье прямо в прихожей, покидала все Алинино шмотье в пакет, быстро переделалась, решив, что в душ схожу позже, чтобы смыть с себя мужской запах, и выскочила на лестничную площадку. Подошла к двери бывшей подруги и постучала. Она открыла не сразу. Стояла передо мной с заспанным лицом и взъерошенной прической и смотрела осолопевшим взглядом. Интересно, давно уже вернулась домой? Неужели совсем не переживала, как я добралась до дома и что со мной? Хороша же подруга, ничего не скажешь! Алина облокотилась об дверной косяк, а в ее глазах зажегся гнев и возмущение.

– На вот, возьми свои тряпки, и чтобы больше тебя не было на пороге моей квартиры! – в сердцах проговорила я.

– Дурочка, – хмыкнула она пренебрежительным тоном. – Я же как лучше хотела. Ты погляди на себя, ты через пять лет на бабу станешь похожа, с Марией Гавриловной не от-

личить будет, и кому будешь нужна?

– Детям! Детям своим буду нужна, поняла? А ты... От тебя я такого не ожидала...

– Ой, да ладно тебе, Ксаночка, прям вот обиделась, – Али-на скривила губы. – Ну и подыграла бы мне, делов-то! Это мне обижаться нужно, я тебя в свет вывела, нарядила, ты хоть на человека стала похожа. Но верно говорят – не делай добра... – со вздохом протянула она. – Родион он, знаешь, какой щедрый, а еще он заботливый и деликатный, но ему обязательно в постели две женщины нужно. Заводит его эта игра, а ты бы совсем другой жизнью зажила. Дуреха! Я бы тебя даже не ревновала к нему.

Я не стала ей говорить, что заработать себе передним местом на жизнь не значилось в моих планах на будущее, но и Алину не собиралась сейчас осуждать, а тем более жизни учить. Не маленькая, сама разберется, куда прикатится с такими рассуждениями. Пусть хоть передом, хоть задом работает, но только без меня. У меня по-другому все будет. А из сегодняшней ночи я вынесла много уроков, и самый главный – никому доверять нельзя. Это хорошо, что все обошлось, а ведь могло все закончиться совсем печально.

– Надеюсь, та дрянь, которую ты мне подмешала в шампанское, не наркотики? – я вспомнила о том незнакомце и нашем с ним сексе и почувствовала, как краска стыда заливает мне щеки.

– Нет, всего лишь легкое возбуждающее. Привыкания не

вызывает, но вот желание и чувствительность увеличивает в несколько раз.

Меня слегка покоробил ее пренебрежительный тон.

– Какая же ты всё-таки... У меня ведь дети ты об этом подумала?

Алина неприятно ухмыльнулась.

– Кажется, это ты не думаешь о них и собираешься растить нищету.

Я не нашлась, что ответить, просто швырнула в не пакет с одеждой и направилась в свою квартиру. Меня все еще штормило, мысли ускользали и я не могла толком ни за одну ухватиться. Все, о чем я грезила, так это принять душ и завалиться спать. Иначе упаду в обморок прямо посреди лестничной площадки.

Днем к нам заглянула Мария Гавриловна и помогла мне развлечь детей. Надя как ни в чем не бывало искала себе новые занятия, Макс смотрел мультики, а я мечтала о наступлении ночи, чтобы вырубиться и проспать несколько часов подряд. К вечеру меня окончательно отпустило от насыщенной программы вчерашнего дня. Я уложила детей спать, приняла ванну, навела себе теплого молока с медом и сидела на своей крохотной кухне у окна, вспоминая о прошлой ночи и янтарных глазах того незнакомца.

«Ксаночка, да что же ты творишь? Почему ничего мне не сказала, что ребеночка согласилась родить для состоятель-

ной пары? Это благородное дело, и малышку правильно сделала, что забрала, а не отказалась от нее, но ты подумала, как мы теперь будем жить? Ведь я уже никакая, помощи от меня ждать не стоит. Как же все в итоге печально обернулось...»

Прошло уже два года с момента рождения Нади, а я помнила слова матери и ее шок, как сейчас. Я сидела на полу и разбирала старые вещи; нашла наш общий снимок, где мы отмечали первый день рождения Надюши и залипла перед снимком, вспоминая мамочку. Операция, увы, ей не помогла, и она умерла. А мы с Максом и Надей остались совершенно одни. Надю выписали домой лишь спустя полгода после ее рождения. Еще полтора месяца мы провели в больнице, когда ей сделали операцию, и у нее начались осложнения. Сейчас ее состояние нормализовалось, мы наблюдались у врачей, немного отставали в развитии со всеми этими событиями, но я считала, что все это мелочи, а все трудности мы преодолеем.

– Мам, а нам обязательно съезжать с этой квартиры? – спросил Макс, появившись в гостиной.

– Обязательно, – грустно отозвалась я.

Деньги закончились, Надю в садик брать никто не хотел – везде очереди, Макс пошел в подготовительный класс перед школой, я подрабатывала удаленно переводом текстов или брала уроки репетиторства на дому. Мы не бедствовали, на кусок хлеба хватало, но мне хотелось поставить Надю на ноги, чтобы она стала полноценной девочкой, но для этого

требовались занятия со специалистом и, вероятно, еще одна операция. Я решила обменять трехкомнатную квартиру на двушку, покрыть этими деньгами все наши расходы и на время забыть о проблемах, пока дети не подрастут, а я не устроюсь на полноценную работу. Я верила, что у нас все обязательно наладится.

На дворе стоял декабрь, и меня лишь огорчило, что я раньше не занялась этим вопросом с продажей квартиры. Чего я ждала? Новогоднего чуда?

– Я пойду к Игорю, мы в приставку поиграем, ладно мам? – спросил Макс.

Надя заснула полчаса назад, я второй день занималась уборкой и расфасовкой вещей, чтобы не перевозить ненужные в новую квартиру. Да и места в той будет уже значительно меньше.

– Иди сынок, – я взглянула на него. Сегодня у него был выходной от занятий день, почему бы и не отпустить его поиграть? – Возьми ключи, – негромко произнесла ему вслед, но он не услышал, а спустя несколько секунд хлопнула входная дверь.

Я продолжила перебирать вещи. С ностальгией и грустной улыбкой на губах я складывала мамину одежду в пакеты. Никак мне не хватало мужества распрощаться с её вещами. Иногда казалось, что мама уехала в длинное путешествие и вот-вот вернется домой... Так печально мне было от этих мыслей.

Внезапно в дверь позвонили, и я вздрогнула, возвращаясь в реальность. Неужели Макс что-то забыл? Ведь знает же, как я не любила создавать лишний шум в часы, когда Надя спала. Я поднялась на ноги с пола и пошла в прихожую. Даже в глазок не взглянула, уверенная, что за дверью стоит мой сын.

– Макс, я же сказала, возьми ключи, Надю разбудишь... – на последнем слове я запнулась, распахнув дверь и уставилась в мужское лицо, ощущая, что земля уходит у меня из-под ног.

На пороге моей квартиры стоял тот самый незнакомец, которого, как я думала, больше никогда не встречу. Мое сердце гулко застучало в груди, и первым порывом было закрыть дверь и провалиться от стыда сквозь землю. Но только что ему понадобилось здесь? Как он меня нашел? Или он ошибся квартирой? А может, пришел предложить повторить тот вечер и ночь?

– Добрый день, Ксения Андреевна, – протянул он низким и глубоким голосом, а у меня все содрогнулось внутри, я, кажется, даже забыла, как дышать.

Смотрела в его лицо, ничего толком не понимая. Как он нашел меня? Неужели искал?

– Впустите? – я вспомнила, как стояла перед ним на коленях, и он вот таким же голосом просил меня... Стоп, Ксюша!

– Добрый день, – я прикрыла дверь, с опаской разглядывая этого представительного мужчину, с каким недавно

трахалась почти до бессознательного состояния на закрытой секс-вечеринке.

– Я Булатов Глеб Александрович, – все тем же чувственным голосом, какой мне иногда снился во снах, представился он. – Могу с вами поговорить?

Ксения

Булатов не сводил с моего лица внимательного взгляда и, в отличие от меня, не чувствовал ни грамма смятения, вел себя уверенно и держался официально.

– Что вам нужно? – выдавила я из себя, вспоминая, как стонала под ним, когда он доводил меня до оргазма.

Эти картинки всплывали в подсознании сами собой. Еще никогда и ничего подобного я не испытывала, как в ту ночь. А когда покинула клуб, то была уверена, что с ним мы больше не встретимся и мне не придется краснеть за все откровения, что между нами случились.

– Может быть, я войду?

Как он назвался? Глеб Булатов? Нет, его имя и фамилия мне ни о чем не говорили. Я не видела этого мужчину до последней нашей встречи и не понимала, что он здесь делал. И, собственно, потому и не впусти. А может, он не признал меня в той роковой девушке, образ которой собрала для меня Алина? Но где логика? Ведь я узнала его... И он меня, без сомнений, я чувствовала это. Только вот его спокойствие и невозмутимый, официальный тон меня жутко нервировали.

– Я не пушу вас в квартиру, – заявила я категорично. – По какому вы вопросу?

Пусть для начала скажет, что ему от меня нужно. Ведь зачем-то же он меня искал? И после я приму решение, стоит ли пускать его в квартиру.

– У вас находится то, что по закону принадлежит мне. Я говорю о своей дочери.

– Что? – сердце упало куда-то в пятки, а в голове зашумело, мои губы искривились в усмешке.

Это розыгрыш такой? О чем он говорит?

– Гончаровы Иван и Лариса – эти имена вам о чем-то говорят? Может, я все-таки войду? – он кивнул в сторону двери, смотря своими янтарными глазами в самую душу.

Улыбка сползла с моего лица и я, наверное, сильно побледнела, потому что во взгляде Булатова промелькнуло беспокойство. Едкий и циничный тон, каким прозвучал его вопрос, не оставлял сомнений: Глеб не ошибся дверью и пришел действительно ко мне.

– Нет, – спустя паузу я взяла себя в руки и произнесла твердым голосом. – Вы обратились не по адресу, так как здесь нет ваших детей, – и в этом я была абсолютно уверена. Биологические родители Нади погибли. Точка.

Только теперь я, кажется, начинала понимать... Передо мной стоял тот самый брат Ивана Сергеевича, с которым он плохо общался? Но что ему понадобилось от меня спустя столько времени? Он пришел за моей Наденькой? Взыграли

родственные чувства? Но где были все эти чувства, пока я в одиночку пыталась поднять на ноги больного и слабого ребенка? И почему, собственно, это была его дочь, когда родителями были Лариса и Иван?

И... о, Господи, какой кошмар! Я снова вспомнила о той ночи, правильнее будет сказать, не забывала. Представляю, какое же теперь мнение у него сложилось обо мне. На тот момент он уже знал, что я была мамой Нади или нет? Я собралась закрыть дверь, поддавшись сиюминутному порыву. Что, если он и в самом деле бы мог отобрать у меня девочку, сыграть на том, что я конченная проститутка, трахающаяся по каким-то притонам с кем попало?

Булатов вовремя разгадал мои намерения и просунул свой черный, начищенный до блеска ботинок в дверь, не давая мне ее закрыть. Его прищуренные глаза были непроницаемы и холодны.

– Ксения Андреевна, – с невозмутимой маской на лице произнес спокойным голосом. – Давайте поговорим по-хорошему, не заставляйте меня применять силу. Ребенка я намерен в будущем забрать. У меня есть доказательства, что Надя моя дочь.

Мне показалось, что я выцарапаю Булатову глаза за брошенные слова о том, что он заберет моего ребенка, мою девочку, которую я любила всем сердцем и выхаживала все это время, пока он сам был невесть где. Все мое желание увидеть его вдруг померкло и сменилось другим – не видеть больше

никогда! Как ему только наглости хватило заявиться на порог моей квартиры с такими заявлениями?

– В дом я вас не пущу и ребенка не отдам, – сглотнула огромный ком в горле. – Закон будет на моей стороне. И раз вы так настаиваете, то я согласна с вами поговорить, но на нейтральной территории. В дом я вас не пущу, – повторила я. – Завтра, около десяти утра, вас устроит? – спросила, смотря на него снизу вверх.

Булатов нахально ухмыльнулся. Достал визитку из пиджака и протянул мне, глядя все тем же проникновенным взглядом, от которого меня в жар и холод бросало.

– Хорошо, – произнес он. – Скиньте на этот номер в сообщении, где и во сколько мы можем поговорить. В ваших же интересах встретиться со мной и решить вопрос мирным путём.

– Я не собираюсь разжигать никаких конфликтов. Как и разыгрывать из себя святую невинность и делать вид, что не узнала вас. Та ночь в клубе ровным счетом не показатель в моем воспитании и заботе о детях, на которой, я как поняла, вы собираетесь сделать акцент. Ведь так?

Булатов убрал свой ботинок и нечто в его взгляде заставило меня задрожать еще сильнее.

– Это все ваши домыслы, Ксения, – не отрываясь, он смотрел мне в глаза. – Я намерен удочерить Надю и участвовать в её воспитании, – сказал он. – Буду ждать вашего сообщения, – развернулся и пошел прочь.

Я смотрела в его спину, не веря в то, что только что произошло. Это казалось страшным сном. Как эта семья могла претендовать на девочку, которая была моей дочкой?

Закрыв дверь, я прижалась к ней спиной. Это все какая-то ошибка. Ведь этот мужчина появился не за тем, чтобы на самом деле забрать у меня Наденьку? Она моя по закону. Я ее настоящая мама, и она меня обожает. Это я пою ей песенки каждую ночь, готовлю ее любимые каши и оладушки, она ни на шаг не отходит от Макса и... Это все какая-то ошибка. И та ночь в клубе... Разве такие совпадения бывают? Нет, я не исключаю, что бывают, но почему именно со мной? Почему именно сейчас? Спустия столько времени?

Макс вернулся домой поздно вечером, мы с Надюшкой уже позанимались, приготовили ужин, и поджидали своего бойца. Дети игрались в спальне, а я взяла в руки телефон и позвонила Марии Гавриловне, договорившись с ней, что завтра утром она побудет с детьми, пока я встречусь с Булатовым на нейтральной территории, и мы обо всем спокойно поговорим. На счёт «спокойно» я была не уверена, но разговор у нас состоится, чтобы раз и навсегда расставить все точки над «і».

Ксения

Я сидела в кафе и ждала Булатова, теребила в руках салфетку и сильно нервничала. И как было не нервничать? Я прекрасно помнила ту ночь, хотя в данной ситуации вспоминать о ней было весьма неуместно. В жизни не подумала бы, что смогла решиться на такое. Руки и прикосновения Глеба всплыли в памяти и я, чтобы отвлечься от этих картинок, достала телефон и взглянула на дисплей. Булатов не опаздывал, просто я пришла немного раньше, чтобы собраться с мыслями. Я всю ночь не спала и думала об этой ситуации.

Место для встречи я выбрала неподалеку от дома. И пообещала Марии Гавриловне, что вернусь к полудню. Макс нужно было отвести на занятия и принять одного ученика на дому, пока Надя будет спать.

В окно я увидела, как возле кафе припарковался огромный черный джип и спустя секунду из него вышел человек. Даже без каких-либо напитков Булатов выглядел притягательно. Появись он в моей жизни просто так, без громких ультиматумов, и предложи мне стать его любовницей, я бы, не раздумывая ни минуты, ответила ему нет. Потому что от

таких страстей и безумств следовало держаться как можно дальше или вовсе не впускать в свою жизнь. А у меня всегда с мозгами было все в порядке. До недавнего времени. Столько раз после того вечера и ночи я корила себя, что согласилась на предложение Алины. Как чувствовала, что выйдет мне эта история боком.

– Добрый день, – поздоровался Глеб и присел за столик.

– Добрый день, – я кивнула в ответ.

Булатов прищурился, услышав в моем голосе ледяные нотки.

Сегодня я уже не реагировала на его откровенные взгляды, как вчера – не робела и не терялась, и четко знала, что хотела спросить в первую очередь. Я вела себя сдержанно и официально, как и подобает малознакомым людям в таких ситуациях. И именно такими мы с ним и оставались друг для друга. И надеялась, останемся и впоследствии.

Молодая официантка тут же появилась рядом с нами и принялась глазеть на моего спутника. Глеб отказался от заказа и попросил лишь стакан воды. Неужели брезговал пить чай или кофе в таких забегаловках? Судя по машине и внешнему лоску, он был не стеснен в средствах, а мое предположение могло оказаться верным.

– Давайте сразу о деле, – я неотрывно смотрела на него через столик. – Я не располагаю лишним временем.

Булатов кивнул. Его уверенность лишала меня последних крупиц самообладания, которые я и так едва в себе наскреб-

ла перед этой встречей. Но я пообещала себе держать лицо. И буду неукоснительно следовать намеченному плану.

– Я не собираюсь отнимать много времени, – благодаря мягкому и приглушенному освещению в кафе янтарные глаза казались равнодушными, отчужденными. – Не так давно я выяснил обстоятельства двухгодичной давности. Мой брат Иван Гончаров обращался к услугам суррогатной матери, которой являлись вы. Все верно?

– Все так, но...

– Так вот, – перебил меня Глеб и по взгляду в его волевое и решительное лицо, я поняла, что нужно помолчать и дождаться концовки его истории. – Антонина, сестра погибшей супруги Ивана, сообщила мне, что ребенок погиб при родах, и все это время я думал, что так оно и есть, пока случайно не обнаружил эти документы, – он положил перед мной на стол какие-то бумаги и ткнул вниз на подписи.

– Ваша?

Вспомнить бы достоверно, что и как происходило в те дни. Все было, как в бреду. Я лишь отчетливо помнила свои метания из-за Нади и ее дальнейшей судьбы.

Бегло пробежавшись по строчкам, я удивленно приподняла брови. По документам выходило, что Антонина брала с меня расписку за молчание о том, что Иван и Лариса Гончаровы обращались к услугам суррогатной матери. Бред какой-то. Зачем ей это понадобилось? Я подписывала совершенно другие бумаги. Но утверждать не могла, потому как

сумма в расписке стояла правильная. Часть этих денег ушла на операцию маме, а другая часть – на восстановление Нади. Я могла отчитаться за каждую потраченную копейку.

– Антонина действительно приходила ко мне в клинику, когда я позвонила ей и сказала, что забираю девочку себе и намереваюсь выходить ее, несмотря ни на что. Женщина приехала ко мне на следующий день, дала денег на лечение Нади и попросила подписать документ, что я получила сумму на руки и не претендую ни на какие части наследства и тому прочее. В тот момент я находилась в шоке, столько всего навалилось... Меня и ребенка едва вытащили с того света, я сильно переживала за дальнейшую судьбу девочки и приняла решение, что отказываться от нее не имею права, если ее биологические родители погибли. С тех пор я ничего не слышала о семье Гончаровых. До вашего появления, – я подняла взгляд, возвращая Булатову бумаги.

– Допустим... – он задумчиво смотрел мне в лицо.

– Тогда как вы объясните мне ваши слова, что моя Надя – ваша дочь? Насколько мне известно, Иван Сергеевич и Лариса имели проблемы именно по женской части.

– Все было как раз наоборот. Проблемы со здоровьем имел Иван. Он был бесплоден. Мы с ним сводные братья, у нас разные отцы.

– Я ничего не понимаю... Он, что же, заставил вас отдать ему свой биоматериал? Или...

– Нет, я не спал с его женой, – бесстрастным голосом пе-

ребил меня Булатов.

– Тогда как могло случиться подобное? Где вы были в этот момент? И почему узнали об этом, как я понимаю, только сейчас?

– У нашей матери незадолго до истории с суррогатным материнством обнаружилось серьезное заболевание. Я не стану вдаваться глубоко в подробности, потому что на самом деле заболевания никакого нет и не было, а мать пошла Ивану навстречу. Под предлогом, что я или Иван могли унаследовать страшный недуг, мы прошли полное обследование, и он воспользовался этим шансом, чтобы сохранить семью с Ларисой и свой бизнес. То есть взял мой биоматериал.

– Вы полагаете, что могли бы быть возможным отцом Нади? – усмехнулась я. – Пока это все ваши домыслы.

– Не возможным, – спокойно проговорил он. – Я и есть отец девочки. Иван абсолютно бесплоден – это подтверждают документы, которые я недавно нашел в его сейфе, а в клинике, в которой вам проводили ЭКО, я нашел подтверждения этому факту. Мы с Иваном особо не поддерживали связь, я и предположить не мог, что он решился на такие категоричные поступки ради сохранения семьи. Меня долгое время не было в городе, но, когда я вернулся и узнал, что Антонина рьяно взялась делить наследство, копнул глубже и выяснил эти подробности. Сестра Ларисы никогда не блистала большим умом, мне ничего не стоило вывести ее на чистую воду.

Я схватилась за голову и потеряла пальцами виски.

– Почему бы вам не оставить все, как есть? Давайте сделаем вид, что не было этого разговора и встречи? Надю я никому не отдам, родной вы отец, дядя или кем там ей приходиться на самом деле. Мои дети останутся рядом со мной. Максим и Надя сильно привязаны друг к другу. Они считают друг друга родными людьми. Я столько всего пережила с дочкой: куча больниц, обследований, операция... Нам еще предстоит долгий путь к восстановлению, и я настоятельно вас прошу, если что-то там проснулось в вашей совести – оставьте нас в покое. Два года назад девочку никто не захотел забирать, хотя я звонила Антонине и говорила, что это ее родной человек, часть ее сестры. Но ее все оставили, понимаете? Как бракованный материал, списали со счетов. Только это живой человек. Я никому ее не отдам. Вам придется смириться с тем, что я ее мать – настоящая и единственная. Человек, который не оставил ее и не оставит никогда.

Булатов прожигал меня глазами.

– Так понимаю, вы настроены категорично? – сухо осведомился он.

– Вы только скажите, зачем вам это все нужно? Как давно вы знаете правду? – этот вопрос мучил меня со вчерашнего дня.

– Совсем недавно.

– Мне бы хотелось сразу прояснить про ту ситуацию в клубе... – я выдерживала долгий и внимательный взгляд. – Я

образцовая и примерная мать, мать-одиночка. И в подобных местах никогда до того дня не бывала и оказалась в вашей комнате совершенно случайно. Мне очень стыдно за произошедшее и, если вы захотите каким-то образом использовать это против меня, знайте, вы тоже там были, но только сомневаюсь, что не по своей воле, в отличие от меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.